

А. Шлейхер

**Краткий очерк доисторической
жизни северо-восточного
отдела индо-германских
языков**

Москва
Книга по Требованию

УДК 304
ББК 60.5

А. Шлейхер

Краткий очерк доисторической жизни северо-восточного отдела индо-германских языков / А. Шлейхер – М.: Книга по Требованию, 2011. – 66 с.

ISBN 978-5-458-02425-9

Приложение к VIII-му тому записок императорской академии наук №2

ISBN 978-5-458-02425-9

© Издание на русском языке, оформление, «
YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, «
Книга по Требованию», 2011

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

торые приходится, сравнительно съ древностью, короткое время, — періоды, въ которые народы стали пользоваться письмомъ и оставили письменность, дошедшую до нашего свѣдѣнія. Но все время, къ которому относится происхожденіе и развитіе языковъ, равно и наибольшая часть ихъ позднѣйшей жизни, остается недоступною непосредственному нашему наблюденію. Лишь немного языковъ хранить намъ письменность за послѣднія столѣтія; еще рѣже передаетъ она жизнь языковъ за послѣднія тысящелѣтія.

Теперь, какимъ же образомъ достигаемъ мы, при этихъ обстоятельствахъ, познанія начальной жизни, доисторическаго развитія и древнѣйшихъ судьбъ языка?

Къ счастью, это познаніе далекой отъ насъ древности точно также возможно для насъ, какъ натуралисты находятъ возможность приобрѣтать о давнопрошедшихъ періодахъ жизни земли такое ясное понятіе, что изображаютъ ихъ даже въ рисункахъ.

О древнѣйшихъ періодахъ жизни, о образованіи языка свидѣтельствуемъ намъ его строеніе, разсматриваніе котораго въ языкахъ высшей организаціи значительно уясняется сравненіемъ съ простѣйшими организмами языковъ. Какъ текла жизнь языковъ вообще, это даетъ уразумѣть ея позднѣйшее теченіе, ибо нѣтъ причины думать, чтобы языки пролагали для себя новое направленіе жизни съ той, болѣе или менѣе случайной эпохи, съ которой мы имѣемъ ихъ памятники. О доисторическихъ раздѣленіяхъ, вслѣдствіе которыхъ изъ одного языка происходило ихъ нѣсколько, доставляютъ полновѣсныя свидѣтельства ихъ родственныя отношенія между собой. О соприкосновеніяхъ между народами, даже въ тѣ періоды ихъ исторіи, о которыхъ не осталось никакихъ свидѣтельствъ, говорятъ намъ слова, заимствованныя изъ чужихъ языковъ, какія нерѣдко встрѣчаются и въ самыхъ древнихъ языкахъ. Подобно тому, какъ напр. рѣка, которую мы знаемъ только въ нижнемъ ея теченіи, доставляетъ намъ положительное средство дѣлать заключенія о ея верхнемъ теченіи и о протекаемой ею области, точно такъ и та часть жизни языка, которую мы можемъ непосредственно подвергать ученому наблюденію и изслѣдованію, даетъ намъ опоры, на которыхъ мы должны тщательно и осмотрительно утверждать выводы, чтобы проложить путь къ познанію древности.

Вслѣдствіе вышесказаннаго, желая пріобрѣсть представленіе о доисторической жизни славянскаго, литовскаго и нѣмецкаго языковъ, мы должны для ближайшаго къ положительной исторіи прошедшаго этихъ языковъ разсмотрѣть въ нихъ заимствованныя слова, для прежняго періода ихъ жизни — ихъ родственныя отношенія, а для перваго ихъ развитія — ихъ строеніе. И такъ въ этихъ трехъ возрѣніяхъ мы должны прежде всего представлять себѣ предметъ нашего изслѣдованія: пріобрѣтенія этого изслѣдованія послужатъ намъ матеріаломъ, посредствомъ котораго мы потомъ должны будемъ возсоздать жизнь разсматриваемой отрасли языковъ по періодамъ.

Заимствованныя слова¹⁾ въ славянскомъ, литовскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, сколько мы знаемъ, еще не были предметомъ изслѣдованія, которое обнимало бы всѣ эти три языка. Собрать такія слова, принадлежація всѣмъ тремъ, или только одному или двумъ изъ названныхъ языковъ или даже только нѣкоторымъ вѣтвямъ ихъ, и размѣстить эти слова по языкамъ, изъ которыхъ они происходятъ, и по времени ихъ заимствованія, было бы не безъ значенія для исторіи образованія славяно-нѣмецкихъ племенъ²⁾. Отличать то, что заимствовано языкомъ у другаго, отъ того, что искони одинаково принадлежало обоимъ, часто бываетъ не легко. Трудность достовѣрнаго рѣшенія о своемъ и чужомъ въ языкахъ увеличивается по мѣрѣ близости родства между ними и по мѣрѣ древности заимствованныхъ словъ; потому что чѣмъ раньше при-

---

1) Дѣлаютъ различіе между *заимствованными* и *чужими* словами. Подъ первыми разумѣютъ чужія слова, заимствованныя въ давнія времена и до того уподобленныя своимъ, что природное чувство говорящаго уже не отличаетъ ихъ отъ своихъ: таково напр. нѣмецкое *orgel*, отъ греч. *ὄργανον*. Чужія слова напротивъ остаются въ своей звуковой формѣ довольно неизмѣнными и чувствомъ говорящаго признаются за чужія, какъ напр. нѣм. *organ*, греч. тоже *ὄργανον*. Изъ этого примѣра видно, что одно и то же слово можетъ быть заимствованнымъ и чужимъ; въ этомъ случаѣ одно и то же слово перешло дважды въ разные времена.

2) Нѣмецкія заимствованныя слова разобралъ Ebel въ *Programm des Lehr- und Erziehungsinstituts auf Ostrowo bei Filehne, Berlin, 1856*; также Wackerpigel, *Die Umdeutschung fremder Worte 1861*; рецензія Швейцера въ *Kuhn's Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung*. Т. X. стр. 450 и слѣд. Ср. того же журн. II, стр. 74 и слѣд. О собраніи и ученой обработкѣ заимствованныхъ словъ въ литовскомъ и славянскихъ языкахъ мнѣ ничего неизвѣстно.

няты чужія стихіи, ꙗкъ полнѣ онѣ приноровлены къ собственнымъ стихіямъ чрезъ уподобленіе.

Сколько можно прослѣдить существованіе заимствованныхъ словъ въ разсматриваемыхъ трехъ языкахъ, они едвали представлятъ какую-либо точку опоры для отысканія доисторическихъ отпошеній. Заимствованныя слова въ этихъ языкахъ — только зеркало ихъ извѣстной исторіи и географическаго положенія.

Было бы напр. рѣшительно странно, еслибы славянскій языкъ вовсе не имѣлъ словъ, заимствованныхъ изъ нѣмецкаго, тогда какъ Славяне и Нѣмцы съ незапамятныхъ временъ были сосѣдями и когда нѣмецкія племена раньше Славянъ приобрѣли историческое значеніе. Само собой становится правиломъ, что значительнѣйшій народъ обыкновенно сообщаетъ и что языки выше стоящихъ народовъ лишь изрѣдка берутъ у сосѣднихъ народовъ, занимающихъ низшую степень развитія, слова, по своему значенію, менѣе важныя для исторіи образованія, хотя и не могутъ уберечь свою систему звуковъ отъ нѣкотораго зараженія звуками сосѣднихъ языковъ. Потому вполне понятно, если въ славянскомъ мы находимъ такія важныя слова, какъ кѣнѣзѣ (princeps), хлѣбъ (panis), стакло (vitrum), пѣнѣзѣ (pumus), заимствованными изъ нѣмецкаго (др.-врх.-нѣм. kuning; гот. hlaihs; stikls; англ.-сакс. repping, др.-врх.-нѣм. rfenning, др.-сѣв. reppingr), тогда какъ вліяніе литовскаго, латышскаго и финскаго на славянскій запасъ словъ было, конечно, лишь незначительное. Названные три народа сами, напротивъ, очень многое позаимствовали отъ превосходившихъ ихъ Славянъ. Что нѣмецкія слова очень рано приняты въ славянскій, показываетъ ихъ распространеніе по всѣмъ славянскимъ нарѣчіямъ и отчасти сильная славянизация и приноровленіе къ дальнѣйшему этимологическому образованію. Примѣромъ этого приноровленія можетъ служить корень гонѣз (σώζουσαι, servari), заимствованный изъ нѣмецкаго; гонѣзъ есть корень *nas*, сложенный съ предлогомъ *ga* (гот. лиц. наст. вр. *ganisa*, perfect. *ganas salvum fieri, servari*), и не смотря на то, что уже своею двусложностью обнаруживаетъ свое иностранное происхожденіе, этотъ корень имѣетъ этимологическое движеніе наравнѣ съ чисто-славянскими. Ср. гонѣзѣжти (*servari*) съ правильнымъ ослабленіемъ гласной въ гонѣзѣжти (*servari*), гонѣзѣ-

ати (*sanagi, liberagi*), гонѣ-ити (*liberage*) съ коренною гласною е = первоначальному а; гомоз-ити (*segrage*) съ обыкновеннымъ славянскимъ переходомъ е въ о, и гонаж-ати (*liberage*) съ правильнымъ подъемомъ о въ а (ср. напр. чисто-славянскіе корни: рѣкъ первобытн. гакъ, греч. λαικ, ραι-и, рѣк-ж, пророк-а; несъ первоб. пак, ср. греч. ἐ-ναγκ, въ нес-ж, нос-ити, при-наш-ати и т. д.). И такъ Нѣмцы и Славяне, должно быть, уже очень въ раннія времена были сосѣдями и имѣли сношенія между собой. Здѣсь мы не можемъ войти въ подробное изслѣдованіе о времени и мѣстѣ вторженія нѣмецкихъ словъ въ славянскій языкъ, именно, произошло ли оно еще изъ кореннаго нѣмецкаго языка въ коренной славянскій или только уже по раздѣленіи того и другаго народа на племена, и какимъ племенемъ сдѣлано это заимствованіе, равно и передача. Впрочемъ ниже мы еще возвратимся къ этимъ вопросамъ и на нѣсколькихъ примѣрахъ покажемъ, что заимствованныя нѣмецкія слова находятся уже въ коренномъ славянскомъ языкѣ. Слова, внесенныя христіанствомъ, какъ напр. црѣкы, олтарѣ и т. д., при точномъ изслѣдованіи, приведуть къ тому замѣчательному результату, что слова эти перешли къ Славянамъ окольною дорогою — чрезъ Нѣмцевъ. И нецерковныя слова, отчасти также важныя, заимствованныя изъ другихъ языковъ, напр. изъ греч., лат. (упомяну напр. русс. *сорокъ* изъ *τεσσαράκοντα*, *цѣсарѣ*, откуда *царь*, посредственно или непосредственно изъ *caesar*, и т. д.), я не буду здѣсь разсматривать.

Пересмотръ заимствованныхъ словъ въ литовскомъ языкѣ едвали также приведетъ къ результату, который бы несогласенъ былъ съ тѣмъ, что можетъ доставить намъ исторія и географическое положеніе литовскаго племени. Особенно славянскихъ словъ литовскій языкъ принялъ большое количество и въ томъ числѣ самыя важныя по значенію (напр. *dušia anima* душа, *smėrtis mors* смрътъ; *bažnyčia templum* кожница; *grėkas peccatum* грѣхъ; *zvápas campana* звонъ; *zokápas lex* законъ; *párakas порохъ* и т. д.¹⁾). Такія славянскія слова въ литовскомъ часто не признають заимствованными, а считаютъ искони родственными. Но строгое вниманіе къ звуковымъ законамъ литовскаго показы-

¹⁾ Ср. Aug. Schleicher, *litauische grammatik* § 75, стр. 167 и слѣд.

ваетъ, что заимствованія литовскаго изъ славянскаго были гораздо значительнѣе, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Нѣмецкія слова въ литовскомъ по большей части такія, которыя только въ позднія времена вошли въ этотъ языкъ (напр. *žėglas, žėglius, Segel; cýgelis, Ziegel* съ латинскаго *tegula*; *kėzas, Kāse* съ латинскаго *caseus*; *būgas, Bauer*, ниже-нѣм. *bûg; pûrmonas Fuhrmann* и т. д.). Старинныхъ нѣмецкихъ заимствованныхъ словъ (какъ напр. *piningas, pinigas numus*, ниже-нѣм. *penning*), можетъ быть, не болѣе въ литовскомъ, чѣмъ въ славянскомъ.

Изъ нѣмецкихъ заимствованныхъ словъ лишь немногія взяты изъ финскаго (напр. гот. *paída tunica*, древне-сакс. *pēda*, древне-верх.-нѣм. *pfeit*, фин. *paita*); изъ соплеменныхъ сосѣднихъ народовъ конечно наименѣе сообщили нѣмецкому Кельты; Славяне — уже больше (напр. гот. *plinsjan saltare* плацати; др.-верх.-нѣм. рѣиос *aratrum* плугъ, лит. *plugas*; послѣднее происходитъ, конечно, также изъ славянскаго; что это важное слово не нѣмецкое, показываетъ уже его начальный звукъ, и мн. др.). Напротивъ изъ латинскаго нѣмецкій принялъ большее количество словъ, иногда сильно онѣмечивая ихъ; въ томъ числѣ есть весьма важныя по значенію (напр. *schreiben scribere; Brief breve; Kaiser Caesar, Pfund*, гот. *pund*, лат. *pondo*; *Pferd*, ст.-верх.-нѣм. *parafrit, parfrit, perfrit, pherit*, средне-лат. *paraveredus, parafredus; dichten dictare; Pein poena* и т. д.), тогда какъ греческій, естественно, непосредственно дѣйствовалъ почти только на готскій языкъ. Все это вполне согласно съ историческими отношеніями.

Такимъ образомъ заимствованныя слова славяно-литво-нѣмецкія для доисторическихъ отношеній этихъ языковъ вообще едвали доставятъ какое-либо достопримѣчательное приобрѣтеніе, такъ что въ нижеслѣдующемъ разсужденіи мы можемъ почти вовсе отстранить ихъ. Это не значитъ впрочемъ, чтобы строго-ученое изслѣдованіе заимствованныхъ словъ въ этихъ языкахъ не могло повести къ какимъ-либо важнымъ результатамъ, о которыхъ теперь, можетъ быть, нельзя еще и догадываться.

Тѣмъ обильнѣе дадутъ матеріалъ для познанія древнѣйшей жизни разсматриваемыхъ языковъ ихъ родственныя между со-

бой отношенія. Эти-то отношенія мы должны теперь здѣсь напомнить.

Славянскій языкъ существуетъ теперь во множествѣ языковъ или нарѣчій¹⁾. Они раздѣляются на четыре группы, изъ которыхъ три впрочемъ, кажется, ближе одна къ другой. Группы эти слѣдующія:

1. Болгарская; она состоитъ только изъ болгарскаго языка, котораго древнѣйшею формою признанъ самый важный для насъ изъ всѣхъ славянскихъ нарѣчій, старшій церковно-славянскій языкъ, или древншй болгарскшй, продолжающшй свое существованіе въ значительномъ измѣненшй — въ ново-болгарскомъ.

2. Сербо-словенская группа, достаточно опредѣляемая самымъ ея названіемъ.

3. Русская группа, состоящая изъ велико-русскаго и малороссійскаго нарѣчій.

Эти три группы имѣютъ по крайней мѣрѣ тотъ общшй звуковой законъ, что въ нихъ *д* уподобляется слѣдующей за нимъ согласной *л* и *н*, а въ нижеслѣдующей западно-славянской группѣ это *д* сохраняется, напр. коренная форма *ага-грам*, чеш. *ogadlo*, пол. *ogadło*, оттуда *gadło*, а ст.-слав. *огагс*, рус. *огаго*, серб. и словен. *раго*, *раггца*; пол. *więd-пагс*, чеш. *vad-pouti*, а ст.-сл. *квнжти*, рус. *ва-нутъ*, серб. и словен. *ве-нути* и т. д.

4. Западно-славянскую группу составляютъ: чешскшй съ своими стариннчатыми нарѣчшями: словацкимъ и моравскимъ; польскшй, также въ разныхъ нарѣчшяхъ; кашубскшй, составляющшй вмѣстѣ съ польскимъ одну изъ вѣтвей западно-славянской отрасли: онъ оказывается нарѣчшемъ того языка, который и самому поль-

1) Языкъ и нарѣчіе нельзя строго различать. Въ иныхъ случаяхъ конечно никто не усомнится, которое изъ этихъ словъ надо употребить; но въ другихъ одинаково можетъ быть употреблено и то и другое. Именно такъ мнѣ кажется относительно славянскихъ нарѣчій; впрочемъ тамъ, гдѣ разумѣется славянскшй языкъ, служащшй основаніемъ всѣхъ славянскихъ нарѣчій, естественно употреблять о первомъ языкѣ, а о другихъ нарѣчшя. Отношеніе отдѣльных нарѣчій, вмѣстѣ составляющихъ одну семью, при тщательномъ изслѣдованшй фамилій обнаруживается въ каждой изъ нихъ своеобразнымъ, болѣе или менѣе отличнымъ отъ господствующихъ въ другихъ фамилшяхъ отношеншй, такъ что нечего и думать о выраженшй, одинаково годномъ для всѣхъ фамилій языковъ.

скому служить основаніемъ, а отнюдь не есть одно изъ новопольскихъ нарѣчій¹⁾; верхне-сорабскій (верхне-лужицкій) и нижне-сорабскій (нижне-лужицкій), и полабскій, какъ извѣстно, сохранившійся лишь въ скудныхъ замѣтках²⁾, вслѣдствіе чего эту отрасль только предположительно можно выставлять за близкаго сродника сорабскому, чешскому и польскому, а для строгаго развитія этого взгляда существующій матеріалъ едва ли достаточенъ. Впрочемъ въ пользу такого родства ихъ, кромѣ географическаго положенія, говорятъ и звуковыя явленія, о которыхъ сейчасъ мы будемъ говорить обстоятельнѣе.

Довольно трудно охарактеризовать эти группы и ихъ нарѣчія такъ, чтобы отыскать такіе звуки или сочетанія, которые въ каждой группѣ являлись бы своимъ особеннымъ образомъ. Такимъ признакомъ разныхъ группъ, сколько я вижу, можетъ служить сочетаніе звуковъ *tj* и *dj*³⁾. Въ сербо-словенской группѣ остается древнее *tj* и *dj* въ сущности безъ перемѣны, или зубная даже уподобляется слѣдующему *j*; напр. *medja* (собственно *среднее*, потомъ *граница*): первобытная индо-германская форма этого слова есть *madhjá*, ср. древне-инд. тему *madhja*, греч. μέσο, древн. μέσσο вм. *μεζυο⁴⁾, лат. *medio*, оск. *meſio*, гот. *midja*, серб. меѣа, слов. *medja* и *meja*; славянская коренная форма *tysatja* (въ первобытномъ индо-германскомъ этого слова не было), серб. тисуѣа, словен. *tisuća*; въ русской группѣ звукъ *j* уподобляется предшествующей зубной тѣмъ, что послѣ *d* онъ переходитъ въ *ж*, послѣ *t* въ *ш*, а *d* большею частію уподобляется слѣдующему *ж*, такъ что отъ *дж* = *dj* остается только *ж*; поэтому здѣсь изъ *dj* вышло *дж* и *ж*, изъ *tj* — ч: русс. *межа*, малорос. *меджа* и *межа*; русс. *тысяча*,

¹⁾ Донынѣ почти неизвѣстный, кашубскій языкъ съ своими нарѣчіями сдѣлавъ доступнымъ для ученаго изслѣдованія г. А. Гильфердингомъ въ его сочиненіи: *Остатки Славянъ на южномъ берегу Балтійскаго моря*. Спб. 1862. Взглядъ, высказанный выше, принадлежитъ г. Гильфердингу и мы вполне раздѣляемъ его (Ср. Донесеніе П. Прейса въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1840, т. XXVIII, Отд. IV, стр. 1—14).

²⁾ Полное собраніе ихъ находится въ «Памятникахъ нарѣчія залабскихъ Древлянъ и Глинянъ», А. Гильфердинга, 1856.

³⁾ Ср. *Beiträge für vergleichende Sprachforschung*, herausgegeben von A. Kuhn und A. Schleicher, T. I, стр. 23 и слѣд.

⁴⁾ Звѣздочка впереди слова означаетъ искусственно возстановленную форму.

малорос. *тысяча*, въ болгарскомъ *дѣ* и *ти*, происходящія изъ *дѣ* *тѣ*, подвергаются перестановкѣ въ *жд* и *шт* (какъ въ греч. ζ, т. е. *дѣ* посредствомъ діалектической перестановки является *сѣ*, т. е. *ед*); отъ того по древне-болг. *межда*, *тысѣшта*; въ ново-болг. дѣйствуетъ, естественно, тотъ же законъ, напр. *платѣши*, вм. *platjaš, вмѣстѣ съ *платиши*, *раждаши*, вм. *radjaš, вмѣстѣ съ *родиши* и т. д. (въ ново-болгарскомъ я долженъ былъ взять другія слова, потому что здѣсь славянское названіе тысячи выгѣснено иностраннымъ словомъ, а *межда* въ имѣющихся у меня литературныхъ пособіяхъ не отыскивается). Западно-славянская группа отличается отъ другихъ тѣмъ, что въ ней *ј* послѣ *д* и *т* измѣняется не въ шипящія *ѣ* и *ѣ*, но, посредствомъ сильнѣйшаго уподобленія звуковъ *д* и *т*, въ зубныя *ѣ* и *с*, такъ что здѣсь *дѣ* переходитъ въ *дѣ*, *тѣ* въ *тс* (*с*); отъ сочетанія *дѣ*, вслѣдствіе уподобленія *д* звуку *ѣ*, остается только этотъ послѣдній: чеш. *meze* (*meza*), *tisíc*, пол. *miedza*, *ty-siąc*; точно также въ верхне- и нижне-сарабскомъ, гдѣ вм. *дѣ* и *тѣ*, какъ въ чешскомъ, являются *ѣ* и *с* (= *тс*); въ полаб. *дѣ* и *тѣ* измѣняются также какъ въ польскомъ, какъ показываютъ примѣры: *đodze* = древне-болг. *дажда* вм. *dadjъ; *schwetza* т. е. *šveca* = др.-болг. *скѣшта*, коренная форма *světja*; *zeng* т. е. *сѣ* и *nitzeng* т. е. *пѣ-сѣ*, *сѣ* = др.-болг. *хѣштѣ*, коренная форма *chotja, съ потерей начальныхъ звуковъ. Подробнѣйшее описаніе всѣхъ группъ съ ихъ нарѣчійми увело-бы насъ здѣсь слишкомъ далеко¹⁾; вообще оно составляетъ одну изъ труднѣйшихъ задачъ славянскаго языкоученія.

Взаимныя отношенія между группами славянскаго языка ясно

¹⁾ Шафарикъ (въ *Slovansky Národopis*, Прага, въ разныхъ изданіяхъ безъ перемѣны) дѣлитъ славянскіе языки, какъ Добровскій, на двѣ группы: юго-восточную и западную, съ чѣмъ и мы въ сущности согласны. Миклошичъ, въ своей Сравнительной Грамматикѣ (I Theil, Lautlehre, Wien, 1852, III Th. Formenlehre, Wien, 1856), ставитъ славянскія нарѣчія, по ихъ сродству (I, стр. IX) въ слѣдующемъ порядкѣ: старо-словенское (означающее у него древній церковно-славянскій языкъ), ново-словенское (отличное отъ этого мнѣнія объ отношеніи древняго церковно-славянскаго къ словенскому мы старались доказать въ *Beiträge* I, 319 и слѣд.), болгарское, сербское, малорусское (которое мы, согласно съ Миклошичемъ отдѣляемъ отъ великорусскаго), русское, чешское, польское, верхне-сербское, нижне-сербское). Въ обоихъ названныхъ сочиненіяхъ находится характеристика славянскихъ нарѣчій порознь.

показываютъ, что ихъ нельзя производить одну отъ другой, но что всѣ онѣ происходятъ отъ одного общаго отца, который самъ перешелъ въ нихъ: — это коренной славянскій языкъ. Изъ всѣхъ членовъ этой семьи языкъ старо-славянскій (или старыи церковно-славянскій) есть самый старинный, наиболее сохранившій сходство съ своимъ отцомъ¹⁾. Особенно обилень важными архаизмами древне-болгарскій языкъ древнѣйшихъ глаголитскихъ рукописей. И такъ древне-болгарскій имѣеть для славянскаго языка такое же значеніе, какое готскій для нѣмецкой семьи языковъ и древне-индійскій для индо-германскаго племени.

Латышская, балтійская или литовская семья существуетъ въ трехъ языкахъ. Изъ нихъ первое мѣсто для языкоученія занимаетъ литовскій²⁾ въ тѣснѣйшемъ смыслѣ. Въ самомъ этомъ литовскомъ важнѣе другихъ южно- или верхне-литовское нарѣчіе, особенно прусско-литовское, потому что въ немъ наилучше сохранились окончательные слоги, въ которыхъ именно и является образование словъ; ниже-литовское или жемайтское нарѣчіе болѣе или менѣе выпускаеть конечныя гласныя, и потому, не смотря на нѣкоторыя остатки старины, стоятъ далеко ниже верхне-литовскаго по значенію для нашей науки.

Братъ литовскому былъ языкъ прусскій, на которомъ до второй половины XVII столѣтія говорили по берегу между Мемелемъ и Вислой. Этотъ языкъ исчезъ въ нѣмецкомъ: такая же судьба быстро постигаетъ лучшее изъ литовскихъ нарѣчій — верхне-литовское на прусской сторонѣ. Отъ прусскаго, который много сохранилъ древнихъ формъ и потому весьма важенъ для общаго изображенія балтійской фамиліи, до насъ дошелъ только краткій Лютеровъ катихизисъ въ кое-какихъ переводахъ³⁾.

Новѣе литовскаго и прусскаго по своему звуковому и формальному свойству, но за то употребляется въ разговорѣ и письмѣ

¹⁾ Отношеніе старо-болгарскаго къ прочимъ индо-германскимъ языкамъ показываетъ А. Шлейхеръ въ *Formenlehre der kirchenslavischen Sprache, vergleichend und erklärend dar gestellt*. Bonn, 1852.

²⁾ Aug. Schleicher, *Handbuch der litauischen Sprache, I. litauische grammatik*. Prag, 1856; II. *litauisches lesebuch und glossar*, Prag, 1857.

³⁾ Nesselmann, *Die Sprache der alten Preussen an ihren Ueberresten erläutert*. Berlin, 1845. Wopp, *Die Sprache der alten Preussen*. Berlin, 1853.

многочисленнымъ населеніемъ, нарѣчіе латышское¹⁾, содержащее въ себѣ, говоря вообще, лишь немногія формы, которыхъ нѣтъ въ литовскомъ. Потому оно и кажется отраслью древне-литовскаго, съ теченіемъ времени довольно сильно измѣненной въ звукахъ и формахъ звуковыми законами и господствомъ аналогій. Будучи возведено къ древнѣйшей формѣ, оно лишь въ немногихъ случаяхъ будетъ удаляться отъ литовскаго.

Такимъ образомъ и литовскіе языки, прусскій и литовскій съ латышскимъ, точно также ведутъ къ своему общему, коренному языку, который на нихъ разложился.

Нѣмецкій языкъ²⁾ разросся на множество языковъ, изъ которыхъ нѣкоторые сохранила намъ письменность со временъ несравненно древнѣйшихъ, чѣмъ языки славянскіе, не говоря уже о литовскомъ, который извѣстенъ лишь нѣсколько столѣтій.

Тѣ изъ нѣмецкихъ языковъ, отъ которыхъ дошли до насъ лишь отдѣльныя слова или только собственныя имена, болѣе или менѣе искаженныя при передачѣ чужими языками (каковы напр. имена лангобардскія, бургундскія, герульскія, вандалскія и т. д.), мы здѣсь совѣмъ устраняемъ, хотя о нѣкоторыхъ изъ нихъ можно съ вѣроятностью сказать, какое мѣсто занимали они въ германской семьѣ языковъ (такъ напр. лангобардскій былъ одинаковъ съ др.-верх.-нѣмецкимъ).

Судя по дошедшимъ до насъ языкамъ, нѣмецкій языкъ дѣлится на три группы: на готскую³⁾, сѣверную и нѣмецкую въ тѣснѣйшемъ смыслѣ.

¹⁾ Die lettische Sprache nach ihren Lauten und Formen erklärend und vergleichend dargestellt von A. Bielenstein. Berlin 1863, 1864; 2 части. Того же Lettische Grammatik. Mitau. 1863.

²⁾ Главное сочиненіе по грамматикѣ всей нѣмецкой фамилии есть, какъ извѣстно, Якова Гримма Deutsche Grammatik, сочиненіе, составляющее эпоху и по методѣ изслѣдованія. Видя, до какой оконченности доведено изслѣдованіе такого труднаго предмета, какъ ученіе о гласныхъ, въ третьемъ изданіи перваго отдѣла I-го тома Грамматики, нельзя не пожалѣть, что авторъ не успѣлъ подвергнуть такой переработкѣ всего своего творенія.

³⁾ Gote и gotisch, а не gothisch, какъ видно изъ имени народа (gut-thiuda) въ готскомъ календарѣ, изъ формы этого имени у другихъ нѣмецкихъ племенъ и изъ правописанія goticus въ латинскихъ грамотахъ, происшедшихъ отъ самихъ Готовъ.